

ТРИ СЕСТРЫ

1900, выдержки Дятлова Н. С. от 17.09.2025, 1-4/174=98%

1. Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, **Ирина:** Было очень холодно, тогда шел снег.
2. Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.
3. Не глуп — это несомненно. Только говорит много.
4. Боже мой, не то что человеком, лучше быть волом, лучше быть простою лошадью, только бы работать, чем молодой женщиной, которая встает в двенадцать часов дня, потом пьет в постели кофе, потом два часа одевается... о, как это ужасно!
5. **Тузенбах:** Тоска по труду, о боже мой, как она мне понятна! Я не работал ни разу в жизни. Родился я в Петербурге, холодном и праздном, в семье, которая никогда не знала труда и никаких забот. Помню, когда я приезжал домой из корпуса, то лакей стаскивал с меня сапоги, я капризничал в это время, а моя мать смотрела на меня с благоговением и удивлялась, когда другие на меня смотрели иначе. Меня оберегали от труда. Только едва ли удалось оберечь, едва ли! Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь двадцать пять — тридцать лет работать будет уже каждый человек. Каждый!
6. **Чебутыкин (смеется):** А я в самом деле никогда ничего не делал. Как вышел из университета, так не ударил пальцем о палец, даже ни одной книжки не прочел, а читал только одни газеты... **(Вынимает из кармана другую газету.)** Вот... Знаю по газетам, что был, положим, Добролюбов, а что он там писал — не знаю... Бог его знает...
7. Сегодня я в мерехлюндии, невесело мне, и ты не слушай меня.
8. **Ольга:** Но у вас еще ни одного седого волоса. Вы постарели, но еще не стары. **Вершинин:** Однако уже сорок третий год.
9. И интересно, мы теперь совсем не можем знать, что, собственно, будет считаться высоким, важным и что жалким, смешным. Разве открытие Коперника или, положим, Колумба не казалось в первое время ненужным, смешным, а какой-нибудь пустой вздор, написанный чудачком, не казался истиной? И может статься, что наша теперешняя жизнь, с которой мы так миримся, будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной... **Тузенбах:** Кто знает? А быть может, нашу жизнь назовут высокой и вспомнят о ней с уважением. Теперь нет пыток, нет казней, нашествий, но вместе с тем сколько страданий!
10. **Чебутыкин:** Вы только что сказали, барон, нашу жизнь назовут высокой; но люди всё же низенькие... **(Встает.)** Глядите, какой я низенький. Это для моего утешения надо говорить, что жизнь моя высокая, понятная вещь.
11. **Ирина:** Посмотрите, какую рамочку для портрета подарил мне сегодня Андрей! **(Показывает рамочку.)** Это он сам сделал. **Вершинин (глядя на рамочку и не зная, что сказать):** Да... вещь...
12. **Вершинин:** А вы читаете по-английски? **Андрей:** Да. Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием. Это смешно и глупо, но в этом все-таки надо сознаться, после его смерти я стал полнеть и вот располнел в один год, точно мое тело освободилось от гнета. Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки, а Ирина знает еще итальянски. Но чего это стоило! **Маша:** В этом городе знать три языка ненужная роскошь. Даже и не роскошь, а какой-то ненужный придаток, вроде шестого пальца. Мы знаем много лишнего.
13. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать,

мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец. **(Смеется.)** А вы жалуетесь, что знаете много лишнего.

14. **Вершинин (ходит по сцене):** Я часто думаю: что, если бы начать жить снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая — начисто! Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни, устроил бы себе такую квартиру с цветами, с массою света... У меня жена, двое девочек, притом жена дама нездоровая и так далее и так далее, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нет, нет!
15. *Сделал, что мог, пусть, кто может, сделает лучше (лат.).*
16. **Ирина:** Вы говорите: прекрасна жизнь. Да, но если она только кажется такой! У нас, трех сестер, жизнь не была еще прекрасной, она заглушала нас, как сорная трава... Текут у меня слезы. Это не нужно... **(Быстро вытирает лицо, улыбается.)** Работать нужно, работать. Оттого нам невесело и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем труда. Мы родились от людей, презиравших труд...
17. **Вершинин:** А наливка вкусная. На чем это настояно? **Соленый:** На тараканах.
18. Боже мой, я секретарь земской управы, той управы, где председательствует Протопопов, я секретарь, и самое большее, на что я могу надеяться, — это быть членом земской управы! Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор Московского университета, знаменитый ученый, которым гордится русская земля!
19. **Андрей:** Сидишь в Москве, в громадной зале ресторана, никого не знаешь, и тебя никто не знает, и в то же время не чувствуешь себя чужим. А здесь ты всех знаешь и тебя все знают, но чужой, чужой... Чужой и одинокий.
20. **Ирина:** Надо поискать другую должность, а эта не по мне. Чего я так хотела, о чем мечтала, того-то в ней именно и нет. Труд без поэзии, без мыслей...
21. **Вершинин:** Что ж? Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем. **Тузенбах:** Давайте. О чем? **Вершинин:** О чем? Давайте помечтаем... например, о той жизни, какая будет после нас, лет через двести — триста. **Тузенбах:** Что ж? После нас будут летать на воздушных шарах, изменятся пиджаки, откроют, быть может, шестое чувство и разовьют его, но жизнь останется все та же, жизнь трудная, полная тайн и счастливая. И через тысячу лет человек будет так же вздыхать: «Ах, тяжело жить!» — вместе с тем точно так же, как теперь, он будет бояться и не хотеть смерти. **Вершинин (подумав):** Как вам сказать? Мне кажется, все на земле должно измениться мало-помалу и уже меняется на наших глазах. Через двести — триста, наконец тысячу лет, — дело не в сроке, — настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье. Маша тихо смеется. **Тузенбах:** Что вы? **Маша:** Не знаю. Сегодня весь день смеюсь с утра. **Вершинин:** Я кончил там же, где и вы, в академии я не был; читаю я много, но выбирать книг не умею и читаю, быть может, совсем не то, что нужно, а между тем, чем больше живу, тем больше хочу знать. Мои волосы седеют, я почти старик уже, но знаю мало, ах, как мало! Но все же, мне кажется, самое главное и настоящее я знаю, крепко знаю. И как бы мне хотелось доказать вам, что счастья нет, не должно быть и не будет для нас... Мы должны только работать и работать, а счастье — это удел наших далеких потомков. **Пауза.** Не я, то хоть потомки потомков моих.
22. **Тузенбах:** По-вашему, даже не мечтать о счастье! Но если я счастлив! **Вершинин:** Нет. **Тузенбах (всплеснув руками и смеясь):** Очевидно, мы не понимаем друг друга. Ну, как мне убедить вас? Маша тихо смеется. **(Показывая ей палец.)** Смейтесь! **(Вершинину.)** Не то что через двести или триста, но и через миллион лет жизнь останется такою же, как и была; она не меняется, остается постоянною, следуя своим собственным законам, до которых вам нет дела или, по крайней мере, которых вы никогда не узнаете. Перелетные птицы, журавли, например, летят и летят, и какие бы мысли, высокие или малые, ни бродили в их головах, все же будут лететь и не зная, зачем и куда. Они летят и будут лететь, какие бы философы ни

завелись среди них; и пускай философствуют, как хотят, лишь бы летели... **Маша:** Все-таки смысл? **Тузенбах:** Смысл... Вот снег идет. Какой смысл? **Пауза.** **Маша:** Мне кажется, человек должен быть верующим или должен искать веры, иначе жизнь его пуста, пуста... Жить и не знать, для чего журавли летят, для чего дети рождаются, для чего звезды на небе... Или знать, для чего живешь, или же все пустяки, трын-трава. **Пауза.** **Вершинин:** Все-таки жалко, что молодость прошла... **Маша:** У Гоголя сказано: скучно жить на этом свете, господа!

23. **Наташа (Соленому):** Грудные дети прекрасно понимают. «Здравствуй, говорю, Бобик. Здравствуй, милый!» Он взглянул на меня как-то особенно. Вы думаете, во мне говорит только мать, но нет, нет, уверяю вас! Это необыкновенный ребенок. **Соленный:** Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковородке и съел бы. **(Идет со стаканом в гостиную и садится в угол.)** **Наташа (закрыв лицо руками):** Грубый, невоспитанный человек!
24. **Вершинин:** На днях я читал дневник одного французского министра, писанный в тюрьме. Министр был осужден за Панаму. С каким упоением, восторгом упоминает он о птицах, которых видит в тюремном окне и которых не замечал раньше, когда был министром. Теперь, конечно, когда он выпущен на свободу, он уже по-прежнему не замечает птиц. Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его.
25. **Андрей:** Жениться не нужно. Не нужно, потому что скучно. **Чебутыкин:** Так-то оно так, да одиночество. Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука, голубчик мой... Хотя, в сущности... конечно, решительно все равно!
26. Вообще нужно помогать бедным людям, это обязанность богатых.
27. Третьего дня разговор в клубе; говорят, Шекспир, Вольтер... Я не читал, совсем не читал, а на лице своем показал, будто читал. И другие тоже, как я. Пошлость! Низость!
28. **Маша:** Мне ничего не нужно, но меня возмущает несправедливость.
29. Ведь ты его уважаешь, высоко ценишь... Он, правда, некрасивый, но он такой порядочный, чистый... Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг. Я, по крайней мере, так думаю, и я бы вышла без любви. Кто бы ни посватал, все равно бы пошла, лишь бы порядочный человек. Даже за старика бы пошла...
30. Когда читаешь роман какой-нибудь, то кажется, что все это старо и все так понятно, а как сама полюбишь, то и видно тебе, что никто ничего не знает и каждый должен решать сам за себя...
31. Приеду сюда к вам и изменю жизнь коренным образом... Стану таким тихоньким, благо... благоугодным, приличеньким... **Ирина:** А вам надо бы изменить жизнь, голубчик. Надо бы как-нибудь.
32. **Кулыгин:** В какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» — думал, что по-латыни написано... **(Смеется.)**
33. **Андрей:** Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакое шершавого животного. Во всяком случае, она не человек. Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу. Я люблю Наташу, это так, но иногда она кажется мне удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее или, по крайней мере, любил... **Чебутыкин (встает):** Я, брат, завтра уезжаю, может, никогда не увидимся, так вот тебе мой совет. Знаешь, надень шапку, возьми в руки палку и уходи... уходи и иди, иди без оглядки. И чем дальше уйдешь, тем лучше.
34. Ты будешь счастлива. Только вот одно, только одно: ты меня не любишь! **Ирина:** Это не в моей власти. Я буду твоей женой, и верной и покорной, но любви нет, что же делать! **(Плачет.)** Я не любила ни разу в жизни. О, я так мечтала о любви, мечтаю уже давно, дни и ночи, но душа моя как дорогой рояль, который заперт и ключ потерян.
35. Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе.

36. Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему... Только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и, чтобы не отупеть от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут, делают вид, что ничего не видят, ничего не слышат, и неотразимо пошлое влияние гнетет детей, и искра божия гаснет в них, и они становятся такими же жалкими, похожими друг на друга мертвецами, как их отцы и матери...
37. **Андрей:** Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо! Становится так легко, так просторно; и вдали забрезжит свет, я вижу свободу, я вижу, как я и дети мои станем свободны от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства...
38. Прежде человечество было занято войнами, заполняя все свое существование походами, набегами, победами, теперь же все это отжило, оставив после себя громадное пустое место, которое пока нечем заполнить; человечество страстно ищет и, конечно, найдет. Ах, только бы поскорее!
39. **Наташа:** Значит, завтра я уже одна тут. **(Вздыхает.)** Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... По вечерам он такой некрасивый... **(Ирине.)** Милая, совсем не к лицу тебе этот пояс... Это безвкусица... Надо что-нибудь светленькое. И тут везде я велю понасажать цветочков, цветочков, и будет запах... **(Строго.)** Зачем здесь на скамье валяется вилка? **(Проходя в дом, горничной.)** Зачем здесь на скамье валяется вилка, я спрашиваю? **(Кричит.)** Молчать! **Кулыгин:** Разошлась!
40. **Ольга (обнимает обеих сестер):** Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О, боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

Конец текста